

Сергей Козлов

СООБЩЕСТВО ВЫСКОЧЕК

*«Субъективный фактор» реформы высшего образования
во Франции эпохи Второй империи**

По своей тематике эта статья тесно связана со статьей «Из истории интеллектуального предпринимательства во Франции» (Козлов 2009). Она представляет собой возвращение к материалу, уже изложенному в некоторых разделах вышеназванной статьи, и попытку осмыслить этот материал в несколько ином ракурсе и в обновленном контексте — с помощью понятий, не применявшихся мною ранее, и с учетом более широкого круга документов.

«БЛОКИРОВАННОЕ ОБЩЕСТВО»

Разумеется, к Франции никто никогда не прилагал понятия «закрытое общество». Но на протяжении последних почти уже сорока лет к Франции часто прилагается понятие «блокированное общество». Так называлась книга, выпущенная в 1970 году французским социологом Мишелем Крозье и переизданная им в 1994 году. В предисловии к изданию 1994 года Крозье писал, что, несмотря на то что за последнюю четверть века Франция внешне преобразилась до неузнаваемости, все диагнозы, поставленные им в 1970 году, по-прежнему остаются в силе. Крозье говорит об «исключительно устойчивой системе гомеостатических отношений», которую он назвал «французской бюрократической моделью» (Crozier 1994. P. 96).

Первая черта этой системы — ее чрезвычайная централизованность. Но, как подчеркивает Крозье, глубинный смысл этой централизации состоит вовсе не в том, чтобы сосредоточить на вершине пирамиды абсолютную власть. Смысл централизации состоит в том, чтобы установить жесткую дистанцию или достаточный защитный экран между теми, кто принимает решения, и теми, к кому эти решения относятся. Те, кто принимает решения, недостаточно знакомы с практической стороной проблем, подлежащих решению. Те, кто обладает практическим знанием проблем, не имеют доступа к принятию решений. Такая система, как пишет Крозье, удобна для начальников, которым не приходится претерпевать на своей шкуре последствия своих решений, и одновременно удобна для подчиненных, которым не приходится бояться, что начальники вмешаются в их проблемы.

* Статья написана в рамках исследовательского проекта, поддержанного стипендиями Дома наук о человеке (Париж) и Франко-российского центра общественных и гуманитарных наук (Москва). Приношу глубокую благодарность генеральному секретарю Академии моральных и политических наук г-ну Пьеру Кербра и Главному хранителю Библиотеки Французского института г-же Мирей Пастуро за предоставленную мне возможность работать в Библиотеке Института с рукописью воспоминаний Альфреда Мори. Основные тезисы данной работы были изложены в докладе на XVII Банных чтениях; благодарю всех, принявших участие в обсуждении доклада, за полезные замечания.

С централизацией, согласно Крозье, коррелирует другая важнейшая особенность французской бюрократической модели — ее стратифицированность (мы бы добавили здесь слово «сегментированность», поскольку речь идет в данном случае о рассеченности не только по вертикали, но и по горизонтали). Все французские административные системы очень сильно сегментированы по функциональным и стратифицированы по иерархическим разделительным линиям. Переход из категории в категорию здесь сложен, а коммуникация между категориями осуществляется плохо. Внутри же каждой отдельно взятой категории преобладает уравнительный принцип, при котором осуществляется значительное давление группы на индивида. Такая система управления находится в отношениях глубокой взаимообусловленности со всем строем, как выражается Крозье, «французской коллективной жизни» (Op. cit. P. 128). В основе французского стиля коллективных действий лежит, согласно Крозье, глубокая и постоянная оппозиция между группой и индивидом (p. 130). Группа выступает как орган защиты и опеки, действия группы всегда негативны по своей сути. Неизменной склонностью французского общества является капсулирование любых участков деятельности, любых функций, любых каст, сред и интеллектуальных групп (*familles d'esprit*) в форму закрытых корпораций, и эта форма делает все эти объединения людей и ригидными, и хрупкими, и неэффективными в одно и то же время: любые переговоры и любые обмены между корпорациями могут производиться только через высшую инстанцию, и любая инициатива парализуется здесь корпоративной подозрительностью (p. 132).

Крозье подчеркивает исключительную устойчивость и долговечность этого административного стиля. Французская бюрократическая модель в полной мере проявилась еще при Старом режиме. По мнению Крозье, «за последние два с половиной века, несмотря на революции, войны и приход машинной цивилизации, [положение] ничуть не изменилось» (p. 96). Все наиболее острые характеристики французской системы управления, которые мы находим в книге Токвиля о Старом режиме, звучат сегодня, по словам Крозье, столь же актуально, как в те годы, когда Токвиль писал свою книгу (*Ibid.*).

«ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ ШУНТИРОВАНИЕ» И «ВЕРТИКАЛЬНЫЙ СГОВОР»

Перед нами — яркая разновидность того ствольного устройства, о котором пишет в этом номере «НЛО» Михаил Ямпольский. Понятно, что в такой системе осуществление инноваций, особенно структурных инноваций, оказывается весьма нетривиальной задачей. И тут я перехожу уже к собственно предмету моих занятий: к институтам, производящим знание, и в частности гуманитарное знание. Все вышеприведенные диагнозы Крозье в полной мере относятся и к положению дел с институтами научного знания во Франции. На протяжении последних четырехсот лет, то есть всего Нового и Новейшего времени, производство нового научного знания во Франции неизменно наткнулось на мощнейшие институциональные блокировки, причем главную такую блокировку неизменно — от XVI и до XX века включительно — осуществляла главная, центральная научная корпорация, то есть корпорация университетская. С очень небольшим преуве-

личением можно сказать, что если бы все решалось только университетами, то никакой великой науки — ни точной, ни естественной, ни гуманитарной — во Франции не было бы никогда: ни в XVI веке, ни в XX. Однако же, великая наука во Франции, как мы знаем, возникла, и возникла она благодаря двум механизмам, работу которых мы можем наблюдать на протяжении всех этих четырехсот лет.

Первый механизм можно назвать «*институциональным шунтированием*», то есть построением обходных путей, байпасов. Все производство новаторского знания шло во Франции Старого режима в обход университета. Роль этих шунтов отчасти выполняли институты средневекового типа, то есть духовные конгрегации, например бенедиктинская конгрегация Св. Мавра, в среде которой родилась современная научная критика текста. Отчасти роль байпасов выполняли такие институты нового, ренессансного типа, как академии. Но наиболее долгая продуктивная жизнь была уготована новым институтам иного, третьего типа. Первым примером такой институции стал Королевский коллеж (будущий Коллеж де Франс), выросший из института «королевских лекторов», основанного Франциском I в 1530 году. Вторым примером стало преподавание ботаники, а затем и естественной истории в Королевском саду лекарственных растений; Королевский сад был основан Людовиком XIII в 1635 году. Так началось формирование во Франции особого подмножества учебных заведений, функционально дополнительных по отношению к университетской системе: назовем их заведениями «дополнительного подмножества». Заведения эти весьма различались по своему внутреннему устройству, но обладали несколькими общими чертами: 1) каждое из них создавалось *ad hoc*, для восполнения нехватки тех или иных дисциплин или специализаций в традиционной университетской системе; 2) каждое создавалось (по крайней мере, первоначально) в единственном экземпляре на всю страну, т. е. имело общенациональный и уникальный характер; 3) каждое создавалось верховной государственной властью; 4) большинство из них располагалось в Париже. Во второй половине XVIII века это подмножество стало пополняться высшими профессиональными школами — такими, как Национальная ветеринарная школа и Национальная высшая школа горных инженеров. Когда после начала Революции произошел стремительный спонтанный распад уже вконец разложившейся университетской системы, путь внеуниверситетского строительства высших учебных заведений, ранее бывший путем обходным, превратился в основной: Конвент стал учреждать высшие специальные школы одну за другой. Самыми важными из этих юридических актов стало преобразование Королевского сада в Музей естественной истории (ранее преподавание наук в Королевском саду не имело подробно разработанного юридического статуса; декрет Конвента подразделил Музей на 12 кафедр и превратил его фактически в университет естественных наук), создание Политехнической школы и Высшей нормальной школы (последняя была открыта в 1794 году, просуществовала всего четыре месяца, но в 1808 году была заново учреждена на новых основаниях Наполеоном). После того как Наполеон своими декретами от 10 мая 1806 года, 17 марта и 17 ноября 1808 года воссоздал во Франции университетскую (точнее говоря, факультетскую¹) систему, путь внефа-

1 Подробнее об этом см. раздел «Страна факультетов» в: Козлов 2009. С. 488–494.

культуретского строительства образовательных институций вновь превратился из основного в обходный. Снова став обходным, он от этого не стал менее необходимым.

Начиная с Коллеж де Франс, самые важные операции институционального шунтирования осуществлялись во Франции с помощью специфического типа реформаторских действий: этот тип действий можно назвать «вертикальным сговором». Это и есть второй механизм, который я имею в виду. Механизм «вертикального сговора» был описан Джозефом Бен-Дэвидом в его книге «Роль ученого в обществе» (Бен-Дэвид, правда, не употреблял этого термина). По словам Бен-Дэвида, если в других «значимых в научном отношении» странах источниками инноваций служили либо конкурирующие инициативы различных независимых университетов и иных учреждений, либо давление и целенаправленная политика научных элит, действующих от лица научного сообщества в целом (в качестве примера Бен-Дэвид приводит английское Королевское Общество), либо же целенаправленное давление формальных и неформальных ассоциаций, членами которых выступали как отдельные ученые, так и научные учреждения (случай, характерный для США) — то во Франции для успешных нововведений требовалось не «горизонтальное» взаимодействие научных учреждений или отдельных ученых, а удачное «вертикальное» сложение усилий отдельных научных «антрепренеров» или научных клик (обычно соотносимых с теми или иными политическими тенденциями) — с одного конца вертикали, и усилий отдельно взятых администраторов и политиков — с другого ее конца (Ben-David 1984. P. 105).

Замечательно то, что, анализируя все упомянутые выше модели социального взаимодействия, исследователи французского общества и французской истории без малейших оговорок говорят о «французскости» этих моделей. О «французской бюрократической модели» говорит Мишель Крозье. А, например, Франсуа Фюре в 1980 году констатировал: «История французского высшего образования подчиняется закону периферического развития» (Furet 1980. P. 5) (под периферическим развитием он имел в виду ровно то, что мы здесь называем «институциональным шунтированием»). Без каких-либо уточнений повторила слова Фюре Брижит Мазон в своей книге о создании парижской Высшей школы социальных исследований (Mazon 1988. P. 4). Точно так же и у Бен-Дэвида, при всем его профессиональном социологизме и компаративизме, модель «вертикального сговора» описывается как специфичная именно для Франции. Никто из вышеназванных авторов, конечно, не говорит: «специфичная *только и исключительно* для Франции», но тем не менее все они описывают французскую специфику путем ссылки на эти механизмы, безо всякого указания на какую-либо более широкую сферу бытования этих моделей.

Между тем, при взгляде из России становится особенно очевидным, что во всех этих случаях речь не может идти о каком-то французском «особом пути»; ствольное устройство не было исключительным достоянием одной лишь Франции. Было бы затруднительно продемонстрировать все возможные параллели между французскими и соответствующими русскими моделями и случаями. Задержусь лишь на одном случае, имеющем касательство к модели вертикального сговора, поскольку это нам поможет при дальнейшем анализе.

СОВЕТСКАЯ ПАРАЛЛЕЛЬ: СОЗДАНИЕ УСИЛИТЕЛЯ «БРИГ»

Из всего множества примеров вертикального сговора, характерных для русской истории, я приведу только один, относительно мало известный читателям-гуманитариям. Пример взят из истории отечественной аудиотехники. Речь идет о создании в первой половине 1970-х годов на ленинградском объединении «Океанприбор» (!) небывалого для советской промышленности усилителя «Бриг», полностью соответствовавшего требованиям западного рынка. Создатель этого легендарного усилителя инженер-изобретатель Анатолий Маркович Лихницкий без ложной скромности описывал ситуацию следующим образом:

Почему «чудо» родилось в Морфизприборе, а не во ВНИИРПА [Всесоюзный научно-исследовательский институт радиовещательного приема и акустики] или где-нибудь в другом месте? Думаю, что благодаря условиям, которые в научно-исследовательских институтах социалистического образца обычно не сочетаются. Прежде всего, дело возглавили три неординарные личности, и притом единомышленники. Я [меломан и фанат hi-fi, инженер-изобретатель А.М. Лихницкий — здесь и далее в квадратных скобках — уточнения и пояснения мои. — С.К.] знал тогда, что надо делать и как это технически осуществить, Каляева [А.Н. Каляева, меломанка и фанатка hi-fi, руководитель отдела по разработке товаров народного потребления в институте «Морфизприбор», приятельница А.М. Лихницкого] была способна выбивать всё, что для этого было нужно (оборудование, помещения, подключать для выполнения работ любые службы института), а Свиридов [Н.Н. Свиридов, меломан и фанат hi-fi, начальник 10-го главного управления Министерства судостроительной промышленности СССР] обеспечивал нам в министерстве зеленый свет и щедрый денежный дождь (Лихницкий 1996. С. 75).

Добавим, что, по рассказу того же Лихницкого, при запуске «Брига» в серийное производство высшее политическое прикрытие проекту стал обеспечивать еще один «страстный хайфайщик» — заместитель председателя Военно-промышленной комиссии Совета министров СССР Л.И. Горшков (см. об этом ниже)².

Текст Лихницкого дает возможность наметить стандартную ролевую структуру той констелляции реформаторов, которая создается в результате вертикального сговора. Позволю себе здесь для еще большей наглядности провести параллель с другой известной моделью секретного взаимодействия: с заказными убийствами. Как и в случае заказных убийств, структура вертикального сговора в основе своей трехуровневая, правда, роли здесь специфицируются иначе, чем при заказных убийствах. При заказных убийствах, как известно, выстраивается триада «заказчик — организатор — исполнитель». При вертикальном сговоре реформаторов на среднем уровне тоже оказывается организатор — точнее, *администратор*, выступающий в функции организатора. Но выше администратора оказывается не заказчик, а *прикрывающий*: политическая фигура или политиче-

² В мемуарном очерке А.М. Лихницкого Горшков ошибочно именуется «председателем Военно-промышленной комиссии при ЦК КПСС». За указание на эту неточность благодарю Н.А. Митрохина.

ская сила, обеспечивающая проекту политическое прикрытие. Наконец, низший уровень, уровень исполнителей: от них, как и при заказных убийствах, в решающей степени зависит конечный результат дела. Применительно к модели вертикального сговора точнее, видимо, будет говорить не об исполнителях, а об *экспертах*: людях, по выражению Лихницкого, «знающих, что надо делать», — причем в случае крупномасштабного проекта речь обычно идет о целой сети таких экспертов, на мнение которых опирается администратор. Этих экспертов я буду называть «реформаторское лобби». Разумеется, речь идет об абстрактной схеме: в реальности один актер может брать на себя роли двух уровней и, наоборот, роль одного уровня может раздваиваться на двух акторов, занимающих разные ранги в официальной иерархии.

Я применил к этой модели понятие «сговор», потому что мне кажется принципиально важным подчеркнуть закрытый — или, как говорили при советской власти, «келейный» — и одновременно подрывной характер, по необходимости присущий всякому реформаторскому проекту в этой системе отношений. Реформаторы сговариваются за спиной существующих корпораций, потому что любой проект реформы воспринимается соответствующими корпорациями как несущий угрозу их интересам, а то и самому их существованию. Все в том же очерке А.М. Лихницкого мы находим колоритные картинки как триумфа реформаторов, так и реакции бюрократических корпораций на осуществившийся благодаря вертикальному сговору инновационный прорыв:

Познакомившись со всем этим, Свиридов остался очень доволен и предложил нам организовать в Москве “шоу с демонстрацией чуда”. “Шоу” состоялось в кабинете министра судостроительной промышленности [Б.Е.] Бутомы. Министр часа два крутил ручки “Брига”, радуясь, как ребенок, разглядывал наши макеты, задавал наивные вопросы и внимательно выслушивал объяснения, а потом позвонил <...> Л. Горшкову и попросил его заехать: мол, есть что посмотреть. Бутоме было хорошо известно, что Горшков — страстный хайфайщик и уже много лет добивается от ВНИИРПА им. А.С. Попова разработки отечественного hi-fi, а там очень умело доказывают, что этого сделать нельзя.

В кабинете министра были уже собраны все замы и начальники главных управлений, когда приехал Горшков.

Молча, в сопровождении Бутомы Горшков обошел горы привезенной нами западной аппаратуры и горку поменьше наших макетов и образцов, после чего все расселись по местам. Появились графики и таблицы, затем с докладом выступила эффектно одетая Каляева. Зрелище было великолепным, Свиридов, сидевший с министром в первом ряду, торжественно улыбался.

Выслушав доклад, Горшков задал только один вопрос: “Какие транзисторы стоят на выходе усилителя?” Каляевой это было неизвестно, но она не растерялась и через головы высокопоставленных лиц крикнула мне: “Анатоль, какие там у нас транзисторы?”

Это неформальное общение «через головы высокопоставленных лиц» наглядно проявляет самую суть отношений, характерных для вертикального сговора. Но продолжим цитату:

Шоу оказалось очень продуктивным. У Горшкова было получено разрешение использовать в “Бриге” электроэлементы, предназначенные толь-

ко для спецтехники (в том числе танталовые конденсаторы), и огромная по тем временам денежная премия из фонда министра.

Дня через три после описанного шоу весь “генералитет” ВНИИРПА был вызван в Кремль, где Горшков встретил прибывших вопросом: “Как вы могли допустить, чтобы какой-то Судпром вас обставил?” В вину ВНИИРПА ставилось, прежде всего, отставание в области разработки усилителей. Крутые разборки продолжились в самом ИРПА. На одной из них начальник лаборатории усилителей Крутиков скончался от инфаркта (Там же).

ПРАКТИЧЕСКАЯ ШКОЛА ВЫСШИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Теперь вернемся в XIX век, к французским научным и образовательным институциям. История большинства французских учебных заведений «дополнительного подмножества» изучена по состоянию на сегодняшний день достаточно хорошо. Меня же интересует учебное заведение, история которого до сих пор не написана, хотя роль его для развития гуманитарных наук во Франции оказалась поистине огромна. Это учрежденная в 1868 году Практическая школа высших исследований (École pratique des hautes études; далее — ПШВИ), которая при своем основании насчитывала четыре отделения: 1) Отделение математики; 2) Отделение физики и химии; 3) Отделение естественной истории и физиологии; 4) Отделение исторических и филологических наук. В Отделении исторических и филологических наук работали в разные годы такие ученые, как Фердинанд де Соссюр, Антуан Мейе, Гюстав Гийом, Эмиль Бенвенист. По образцу Четвертого отделения в 1886 году было создано Пятое отделение — наук о религии. На нем работали Марсель Мосс, Марсель Гране, Жорж Дюмезиль, Клод Леви-Стросс, Этьен Жильсон, Александр Койре, Андре Грабар, Люсьен Февр. В 1947 году было учреждено Шестое отделение — экономических и социальных наук: в нем работали, под руководством сначала Люсьена Февра, а затем Фернана Броделя, Луи Жерне, Жан-Пьер Вернан, Андре Леруа-Гуран, Пьер Франкастель, не говоря о многих ученых, уже перечисленных выше. В 1975 году Шестое отделение получило официальную автономию и стало называться Высшей школой социальных исследований (École des hautes études en sciences sociales). Про нее знают гораздо лучше. Стоит подчеркнуть две вещи. Во-первых, приведенный выше перечень преподавателей ПШВИ — сугубо выборочный, я не упомянул многих замечательных и очень известных ученых. Но этого списка достаточно, чтобы понять, что во второй половине XIX и вплоть до 50-х годов XX века в Практической школе преподавал весь цвет французских гуманитарных наук — за единственным исключением Марка Блока. И второе, что хотелось бы подчеркнуть: для многих молодых ученых во второй половине XIX — первой половине XX века Школа явилась не одним из возможных мест работы, а единственно возможным спасительным пристанищем, уникальной экологической нишей: упомяну здесь хотя бы Соссюра, Мейе, Гийома и Дюмезиля. Например, что касается Мейе, то в 1891 году, когда решался вопрос о его зачислении в преподавательский штат Четвертого отделения, двадцатичетырехлетний Мейе всерьез намеревался покончить с собой в случае неуспеха — хотя был человеком чрезвычайно хладнокровным, и это решение было результатом не эмоций, а спокойного расчета.

О целях Школы, принципах ее внутреннего устройства и о тех отношениях симбиоза, в которых находились и находятся Школа и Коллеж де Франс, более или менее подробно говорилось в предшествующей статье (Козлов 2009). Что же касается подлежащей статье, то в ней я хотел бы подробнее проследить историю формирования той констелляции акторов, вертикальный сговор которых привел к учреждению Практической школы в 1868 году. Таким образом, речь пойдет не о создании Практической школы, а о взаимосцеплении событий, предшествовавших ее созданию. Речь пойдет о предпосылках, причем о предпосылках «субъективных».

Понятно, что модель вертикального сговора в принципе основана на слабо институционализированных социальных взаимодействиях. В том и состоит ее смысл, что она заменяет формальную коммуникацию между институтами — неформальной коммуникацией между отдельными реформаторами-индивидами. Поэтому для формирования подобного рода констелляций решающее значение приобретают факторы, так сказать, микроисторические: стечение обстоятельств, личные связи, личностные особенности. Меня интересовало, какие именно случайные факторы сделали возможным формирование именно этой констелляции реформаторов; какова была специфическая антропология именно этого вертикального сговора?

В данной констелляции центральную роль — роль администратора, или организатора, — играл министр общественного образования Виктор Дюрюи. Роль прикрывающего играл император Наполеон III. Наконец, в роли лобби выступала группа (или, точнее, сеть) ученых, относившихся к разным дисциплинам и принадлежавших к трем возрастным когортам — старшей (1809—1813 года рождения), средней (1817—1832 года рождения) и младшей (1839—1844 года рождения).

Главным идеологом этого реформаторского лобби был Эрнест Ренан: идеология реформы высшего образования была впервые подробно изложена в его статье 1864 года «Высшее образование во Франции». Но тут как раз вступил в силу фактор случайности. Это была не первая случайность во всей этой истории, но мы начнем с нее: по стечению обстоятельств отношения Ренана с Дюрюи оказались безнадежно испорчены именно в 1864 году. Поэтому Ренан никак не контактировал с Дюрюи и не привлекался к консультациям в ходе разработки проекта Практической школы. Это, однако, не помешало Виктору Дюрюи положить в основу идеологического обоснования миссии новосозданной Школы лишь чуть-чуть перефразированные идеи и категориальные схемы статьи Ренана (подробнее см.: Козлов 2009).

Из всех участников вышеуказанного лобби мы выделим в этой статье две фигуры: Леона Ренье и Альфреда Мори. Их отличие от прочих экспертов-участников состоит в том, что и Ренье, и Мори, наряду с Дюрюи, находились в личном контакте с Наполеоном III. В 1868 году они заняли на историко-филологическом отделении ПШВИ ведущие административные должности: Ренье стал председателем отделения, а Мори — научным руководителем по истории.

Посмотрим, как формировалась констелляция Наполеон III — Дюрюи — Ренье — Мори.

ВЫСКОЧКИ

Наполеон III. Все началось с того, что Наполеон III захотел писать биографию Юлия Цезаря. Причины глубокой увлеченности Наполеона III фигурой Цезаря лежат на поверхности: к тени Цезаря «Наполеон малый» обращался за символической легитимацией своей собственной политической карьеры; судя по всему, после государственного переворота 2 декабря 1851 года он испытывал хроническую внутреннюю потребность в такой легитимации. С конца 1850-х годов к этому прибавились явная усталость от практического управления страной и желание уйти от реальности в идеальный мир великих мужей древности. Но представления Наполеона III о работе историка были самые смутные³. По счастью, в его окружении был один человек, к которому он мог обратиться за помощью. Это была дама — госпожа Корню.

Госпожа Корню. Имя г-жи Корню (1809—1875) помнят сегодня даже не все историки, профессионально занимающиеся французским XIX веком. Однако о ней есть биографическая статья в русском Брокгаузе и даже в русской Википедии. Яркие характеристики этой женщины содержатся в некрологическом очерке Эрнеста Ренана (Renan 1958), воспоминаниях Максима Дюкана (Du Camp 1949. P. 172—177) и Эмиля Оливье (Ollivier 1900. P. 69—71); единственная монография, посвященная г-же Корню, была издана во Франции в 1937 году (Emerit 1937): никаких других работ, посвященных г-же Корню, нам неизвестно вообще. Марсель Эмери в своей монографии 1937 года опубликовал переписку между г-жой Корню и Наполеоном III; лишь недавно была опубликована переписка между ней и Ренаном (Cognu — Renan 1998). Между тем эта дама, как кажется, заслуживает большего внимания, ибо она играла совершенно исключительную роль в осуществлении контактов между Наполеоном III и образованной частью французского общества. Выражаясь сегодняшним языком, она служила одним из главных каналов обратной связи между властью и интеллектуалами. Это посредничество носило абсолютно неформальный характер и основывалось всецело на личной инициативе г-жи Корню.

Гортензия Корню (в девичестве — Лакруа) была дочерью одной из горничных Гортензии Богарне, матери будущего Наполеона III, в бытность ее королевой Голландии. Луи-Наполеон родился в апреле 1808 года, Гортензия Лакруа — в апреле 1809 года. Королева Гортензия стала крестной матерью маленькой Гортензии. Дети росли вместе, в одном доме, и с шестилетнего возраста стали неразлучны. Они получали вместе одно и то же домашнее образование, но Луи-Наполеон был туповатым тугодумом, а Гортензия отличалась исключительной живостью ума и очень быстро взяла Луи-Наполеона «на буксир». После крушения империи Гортензию Лакруа опекали различные царствующие дома Германии; она глубоко пропиталась немецкой культурой и впоследствии опубликовала в своем переводе (под псевдонимом *Sebastien Albin*) сборник немецких баллад и народных песен, а также книжку «Гёте и Беттина» и очерк по истории гер-

3 О возможных мотивациях Наполеона III, о ходе работы над «Историей Юлия Цезаря», об особенностях содержания этой книги и о ее резонансе см. подробную статью Мелвина Кранцберга: Kranzberg 1954. См. также: Hemmerdinger 1987; Boer 1988. P. 80—84; Maison 2001; Nicolet 2006. P. 160—172.

манского изобразительного искусства. Из Германии она перебралась в Италию; там она совершенно италянизировалась, страстно увлеклась изобразительным искусством и в 1834 году вышла замуж за ученика Энгра, забытого теперь живописца Себастьяна Корню, с которым познакомилась в Риме и рядом с которым прожила всю дальнейшую жизнь. Она была чрезвычайно экстравертна, энергична, инициативна и поглощена учеными и политическими интересами.

Сеть контактов г-жи Корню была исключительно широка: она охватывала Францию, Италию, Германию, Англию и Швейцарию. К числу собеседников и корреспондентов г-жи Корню принадлежали особы из королевских домов, политики, дипломаты, ученые и люди искусства. Представление о г-же Корню как собеседнице дают записи ее бесед, сохранившиеся в документе большой исторической ценности — дневниках английского экономиста Нассау Вильяма Сениора (Senior 1878, Senior 1880). Что касается связей с французским ученым миром, то здесь опорным пунктом г-жи Корню стала Академия надписей и изящной словесности:

Она не стремилась блистать на придворных балах; у нее не было логи в Опере; но она была единственной женщиной, получившей разрешение присутствовать на заседаниях Академии надписей и изящной словесности, и она пользовалась этим разрешением регулярно. Как рассказывал мне г-н Пенгар [Антониус Пенгар — пристав Французского Института в 1830—1859 гг. — С.К.], она садилась на маленькую банкетку справа от стола заседаний, а все академики подходили к ней и толпились вокруг нее, глухие к звону председательского колокольчика, возвещавшего о начале заседания (Reinach 1905. P. 60).

По утверждению Эрнеста Дежардена, г-жа Корню «даже писала отчеты о заседаниях Академии надписей и изящной словесности для одного немецкого журнала» (Desjardins 1887. P. XIV). По словам Ренана,

основательная образованность и собственные многолетние изыскания г-жи Корню сделали из нее ученого в буквальном смысле слова. Она любила участвовать в ученой беседе и, начиная с 1856 года, вряд ли пропустила хотя бы одно заседание Академии надписей и изящной словесности. Мы относились к ней как к собрату; мы разговаривали с ней о лакунах, существующих в наших штудиях, о массе важнейших задач, подлежащих решению, о массе реформ, подлежащих осуществлению (Renan 1958. P. 1119).

Однако Гортензия Корню была убежденной республиканкой и после декабрьского переворота 1851 года (сопровождавшегося, как известно, расстрелами) прервала с Луи-Наполеоном всякие отношения. На протяжении 50-х годов она воссылает своему бывшему другу проклятия, распространяет о нем самые уничижительные отзывы, общается с семьями политзаключенных, жертвует (из весьма скудных сбережений) деньги в пользу детей казненного Орсини, живет под колпаком, а имя ее стоит в полицейских списках на высылку (см.: Ollivier 1900. P. 70). Но в 1859 году Луи-Наполеону захотелось писать биографию Цезаря. Он обратился к Гортензии, и прежняя дружба между ними возобновилась. Правда, в течение четырех лет они общались только через посредников или путем переписки; первое личное свидание между ними состоялось лишь в марте 1863 года. По поводу причин, сделавших возможным такой поворот в отношениях,

можно было бы высказать ряд соображений психологического свойства, но мы сейчас не будем в них вдаваться. Для нас важно то, что с 1859 года отношения между Луи-Наполеоном и Гортензией входят в прежнюю, давно наезженную колею.

Колея эта наметилась еще в те годы, когда маленькая Гортензия делала за Луи-Наполеона его домашние задания. Окончательно эта колея определилась в 1840—1846 годах, когда неудачливый претендент на престол, приговоренный за очередную попытку переворота к пожизненному заключению, сидел в крепости Гам, занимаясь самообразованием и литературными трудами (главными из которых были трактат «Анализ швейцарского вопроса» и брошюра «Искоренение пауперизма»). Все материалы для этих литературных трудов посылала Луи-Наполеону из Парижа Гортензия Корню, которая ради этого, как пишет Ренан, «просиживала целые дни в библиотеках» (Renan 1958. P. 1117). В эти шесть лет сформировался их тандем: Луи-Наполеон пишет, а все материалы ему подбирает Гортензия. Судя по всему, тогда же сформировалась и практика вовлечения третьих лиц в литературное сотрудничество Луи-Наполеона и г-жи Корню; во всяком случае, именно так обстояло дело согласно свидетельству, приводимому все в том же дневнике братьев Гонкуров (запись от 25 сентября 1857 года). Речь идет о только что скончавшемся Гюставе Планше (1808—1857), влиятельном литературном критике из «Revue des Deux Mondes»:

Эдуар Лефевр <...> рассказал нам прекрасный и редкий факт из жизни Планша. Когда Бонапарт сидел в Гаме и писал книги, совершенно не умея их писать, — он посылал свои черновики на переработку некоей г-же Корню, жене одного художника. Та же, имея связи в редакции «Revue des Deux Mondes», доверила эти черновики Планшу, который переписал их, затратив на это много труда и тпцания. Бонапарт узнал об этом, и, когда он стал президентом (я думаю, это было именно тогда — во всяком случае, до назначения Ньеверкерке), он предложил Планшу безо всяких условий должность директора Изящных Искусств. Планш отказался (Goncourt 2004. T. I. P. 298).

Если верить вышеприведенному свидетельству, уже в 1840-х годах полностью определилась модель взаимодействия Луи-Наполеона с ученым миром: Луи-Наполеон пишет — г-жа Корню подбирает для него материалы и профессионалов-помощников — Луи-Наполеон награждает помощников руководящими должностями.

Именно эту схему отношений с г-жой Корню стремился восстановить император, и Гортензия не смогла ему отказать. Параллелизм складывающейся ситуации с ситуацией 1840—1846 годов был очевиден для них обоих, и Луи-Наполеон сознательно играл на этом параллелизме. 21 мая 1860 года г-жа Корню рассказывала Нассау Сениору:

Несколько дней тому назад он попросил меня навести для него кое-какие справки в Германии в связи с его книгой. Мокар [секретарь императора. — С.К.] прислал мне благодарственное письмо. Луи-Наполеон сделал на нем собственноручную приписку: «Это мне напоминает ту доброту, которую г-жа Корню проявляла к гамскому узнику. Крайности сходятся, ибо Тюильри — это еще одна тюрьма» (Senior 1878. Vol. 2. P. 336).

В работу над книгой императора постепенно оказался так или иначе вовлечен очень широкий круг лиц. Их можно разделить на две основные под-

группы: ученых и военных. Подбором ученых занималась г-жа Корню, и все ее выдвиженцы были так или иначе связаны с Академией надписей и изящной словесности: среди них были, в частности, археологи Л.-Ф. Кеньяр де Сольси и А. Прево де Лонперье. Однако с 1863 года важное место среди археологов-референтов занял молодой немецкий археолог Вильгельм Фрэнер, знакомый с приемной теткой императора Стефанией де Богарне и тесно связанный с Лувром, а значит, с врагами г-жи Корню: Ньеверкерке и принцессой Матильдой (о Фрэнере см.: Reinach 1905. P. 225—227; Voer 1988. P. 82—83; Nicolet 2009. P. 415). Кроме того, как мы только что видели, по отдельным вопросам истории Древнего Рима г-жа Корню, выполняя просьбу императора, наводила справки в Германии. В числе немецких светил, так или иначе привлекавшихся к консультациям, были Фридрих Ричль, Август Вильгельм Цумпт и Вильгельм Друман. (О контактах Теодора Моммзена с Наполеоном III нам придется говорить чуть ниже.) Что же касается военных, то на полковника Вершера де Реффи была возложена реконструкция баллистики древних армий, майор артиллерии Стоффель уточнял на реальной местности маршруты и стоянки войск Цезаря в Галлии (в частности, проводил раскопки в Алезии), а адмирал Жюрьен де Лаграввер руководил постройкой настоящей триремы на верфи в Аньере (трирема так и не была спущена на воду, поскольку подходящих гребцов для нее не нашлось). Помимо этих двух подгрупп, имелся также литератор и знаток древностей, выступавший в роли литературного консультанта, — Проспер Мериме (напомним, что Мериме, помимо всего прочего, был автором двухтомных «Изысканий по римской истории» и другом семьи Наполеона III). Роль консультантов или референтов по тем или иным отдельным вопросам выполняли и другие специалисты.

Но, за исключением Фрэнера и, до известной степени, Мериме, все это были — независимо от своего профессионального веса — помощники и консультанты второго ряда. Ближайшими же сотрудниками императора при работе над «Жизнью Юлия Цезаря» были — во всяком случае, вплоть до 1863 года, когда вперед стал выдвигаться Фрэнер, — два специалиста по древностям: Леон Ренье и Альфред Мори. Оба они были выдвиженцами г-жи Корню.

Альфред Мори. Никак нельзя сказать, чтобы память об Альфреде Мори (1817—1892) была сегодня утрачена. Стоящий особняком бюст Альфреда Мори — фактически первое, что встречает посетителя Национальных архивов Франции, после того как посетитель поднимется по парадной лестнице дворца Субиз. Но научное наследие Мори пало жертвой истории в другом отношении: память о Мори оказалась, по точному выражению Жаклин Каруа и Натали Ришар, «фрагментирована» (Carrou, Richard 2007. P. 11). До последнего времени в истории культуры сосуществовало как минимум три совершенно разных Альфреда Мори: 1) директор Национальных архивов; 2) археолог; 3) автор работ по психологии, предвосхитивших теорию бессознательного. При этом был практически забыт Мори-историк, Мори-этнограф и Мори-географ. Лишь в самое последнее время совместными усилиями ряда французских исследователей отдельные грани личности и творчества Мори начинают складываться в единое целое. Первая коллективная монография, посвященная Мори, вышла всего лишь два года назад (см.: Op. cit.). Нельзя не упомянуть здесь и о том, что до сих пор не изданы обширные и чрезвычайно информативные ме-

муары Мори — «Воспоминания литератора»; в настоящее время этот документ готовят к публикации Морис Ганье и Центр переписок и дневников при факультете словесности Брестского университета.

Альфред Мори родился под Парижем, в городе Мо, в семье среднего достатка⁴. Его отец был дорожным инженером, выпускником Политехнической школы. Родители не стали отсылать сына в коллеж и дали ему домашнее образование. Мори с детства отличался выдающейся памятью и специфическими интересами: уже в десятилетнем возрасте он более всего любил читать газеты, придворные альманахи, а также имевшиеся в доме ежегодники Бюро географических координат и Управления дорог и мостов. Во всех этих и подобных изданиях он запоминал прежде всего *перечни*: списки имен собственных, а также списки книг в книгоиздательских каталогах, прилагавшихся к ежегодникам. Легко понять, что при такой направленности внимания самыми интересными из всех учебных дисциплин для него были история и география. Мори мечтал принадлежать к миру ученых. Особое восхищение у него вызывали академики: с одиннадцатилетнего возраста он знал наизусть имена всех членов Института⁵.

В 1833 году, после смерти отца, Альфред Мори с матерью переезжают в Париж. Чтобы сделать сыну приятно, мать Мори сняла квартиру в доме, где в это же время проживал Сильвестр де Саси — знаменитый востоковед и пожизненный секретарь Академии надписей и изящной словесности. Семья Мори завязала с Сильвестром де Саси добрые отношения и стала получать от него пригласительные билеты на открытые заседания Академии надписей. Мори, по примеру отца и старшего брата, попробовал поступить в Политехническую школу, но потерпел неудачу. В 1836 году по протекции Сильвестра де Саси, который был, помимо всего прочего, хранителем восточных рукописей в Королевской (ныне Национальной) библиотеке, Альфреда Мори берут на работу техническим сотрудником в Королевскую библиотеку. В 1838 году он уходит из библиотеки. Его деятельность в последующие годы чрезвычайно хаотична и с трудом поддается систематическому изложению. Мори безуспешно пытается сдать экзамены на степень лиценциата словесности, затем изучает право, и, хотя у него не будет времени, чтобы ходить на лекции, ему удастся в 1846 году получить звание адвоката. Но дальше этого дело не пойдет: доктором права он так и не станет, единственным его дипломом навсегда останется диплом адвоката. Одновременно с изучением права Мори изучает русский язык, ботанику и археологию. В 1841 году его берет на работу своим личным секретарем Фредерик де Кларак, хранитель древностей Лувра и член Академии надписей и изящной словесности; через полгода он становится помощником хранителя. В 1843 году он собственноручно набирает в типографии и печатает за свой счет свою первую большую научную работу — «Опыт о набожных легендах Средневековья». За эту работу его избирают членом Общества французских антикваров. (В Обществе французских антикваров Мори должен был познакомиться со своим коллегой — младшим

4 Нижеследующее резюме жизни и творчества Мори описывается главным образом на статью Мирей Пастуро: Pas-tougeau 2007.

5 Французский Институт — особое учреждение, объединяющее в себе пять главных французских академий. Выражение «член Института» равнозначно понятию «академик».

библиотекарем Сорбоннской библиотеки Леоном Ренье, о котором речь пойдет далее.) В 1844 году, при поддержке Кларака, Альфреда Мори избирают (из 27 кандидатов) вторым младшим библиотекарем Библиотеки Института. В ходе своей «предвыборной кампании» Мори знакомится с академиками всех пяти академий и затем, после своего избрания, очень быстро становится их незаменимым помощником в вопросах библиографии, своего рода ходячим каталогом. В результате такой деятельности, пишет сам Мори в «Воспоминаниях литератора»,

Академия [надписей и изящной словесности] постепенно заполнилась моими знакомыми и друзьями (цит. по: Pastoureau 2007. P. 27).

Что касается самостоятельных трудов Мори, то после получения адвокатского звания в 1846 году он погружается в изучение медицины, древнееврейского языка, нидерландского языка, геологии, а затем этнографии. Он пишет журнальные статьи, которые затем составят его книгу «Верования и легенды Древности», пишет для «Современной энциклопедии» (которой руководит Ренье) около ста статей по истории религий. С 1845 года он пишет статьи для журнала «Медико-психологические анналы»; впоследствии из этих статей вырастет его книга «Сон и сновидения» (1861), которая окажет влияние на Фрейда, Бергсона и Марселя Пруста. Из трудов Мори по исторической географии назовем книги «Исторические и географические разыскания о великих лесах Галлии и древней Франции» (1848), «Леса Франции в древности и в Средние века» (1856). Особо следует отметить книгу «Земля и человек» (первое издание — 1854; книга многократно переиздавалась). Во-первых, это пример междисциплинарного исследования: отношения между землей и человеком рассматриваются здесь в свете данных геологии, географии и этнографии. Во-вторых же, первое издание этой книги было выпущено издательством «Ашетт» в качестве вступительного тома к циклу «Всеобщая история», составителем и главным редактором которого был Виктор Дюрюи. Таким образом, личные отношения между Мори и Дюрюи завязались в первой половине 1850-х годов.

Наконец, в 1857—1859 годы выходит трехтомный труд Мори «История религий Древней Греции». Книга была посвящена античнику Жозефу Гиньо, который был одним из главных патронов Мори в Академии надписей и изящной словесности. И эта книга, еще не будучи опубликована до конца, послужила главным формальным основанием для принятия Мори в члены Академии надписей.

Мори в первый раз выдвинул свою кандидатуру на выборах в Академию надписей в конце 1856 года, когда вакантными были два академических кресла. Мори тогда снял свою кандидатуру в пользу своих друзей Эрнеста Ренана и Леона Ренье: оба были избраны (см. об этом ниже), и это обеспечило Мори два твердых голоса на последующих выборах. Мори был избран академиком в ноябре 1857 года, 18 голосами против 16: его конкурентом был Леопольд Делиль, молодой талантливый медиевист, блестящий выпускник Школы хартий. Победа Мори над Делилем была, помимо всего прочего, победой личных связей над посвяжительной силой образовательных учреждений. В 1858 году Альфреда Мори включают в состав только что учрежденной Наполеоном III комиссии по созданию географической карты Галлии: понятно, что деятельность этой комиссии была прямо связана с приготовлениями императора к написанию истории Юлия Цезаря. Гиньо тогда же попытался сделать Мори своим заместителем по

преподаванию географии в Сорбонне, но министр образования отказался поддержать ходатайство Гиньо, поскольку Мори не имел университетских дипломов, а также и потому, что Институт считался оплотом оппозиции по отношению к императорскому режиму.

Решающий перелом в карьере Мори наступил в 1860 году, когда его друг Леон Ренье ввел его в ближайший круг г-жи Корню. После этого в мае 1860 года Наполеон III, который в это время подыскивал себе научного секретаря для работы над «Жизнью Цезаря», вызвал к себе Мори и поручил ему составить записку по некоторым вопросам истории Рима. Мори вспоминает, что, когда он выходил из императорского кабинета, «все обнажили головы, как если бы [он] был министр или сенатор, а гвардейцы почетной гвардии взяли на караул». «Я думал, что я сплю», — заключает Мори (цит. по: Pastoureau 2007. P. 35). Через месяц он подал свою записку императору, а осенью узнал, что назначен библиотекарем дворца Тюильри — постоянной императорской резиденции, в которой было очень мало книг. Эта должность была синекурой, давшей Мори достаточный доход и позволившей ему беспрепятственно исполнять те главные обязанности, ради которых Наполеон III и приблизил его к себе: обязанности ближайшего помощника по работе над «Жизнью Цезаря». Близость к императору сняла все преграды, стоявшие на пути академической карьеры Мори. Осенью 1860 года Гиньо снова ходатайствует о назначении Мори своим заместителем — на этот раз по преподаванию истории и морали в Коллеж де Франс, с перспективой стать преемником Гиньо в Коллеж де Франс через один-два года. Учитывая неудачный исход предыдущей попытки Гиньо, Мори принимает меры предосторожности: по его просьбе император особо рекомендует его министру образования. В ноябре 1860 года Мори получает искомое назначение: он становится и. о. профессора в Коллеж де Франс. Темой своих лекций он избирает предмет, прямо связанный с работой над биографией Цезаря: историю постепенного расширения территорий Римской империи. В ноябре 1862 года он назначается титулярным профессором истории и морали Коллеж де Франс, по совместному ходатайству профессорского состава Коллеж де Франс и членов Академии моральных и политических наук. Должностью профессора Коллеж де Франс Мори дорожил более всего на свете и на все последующие назначения соглашался лишь при условии сохранения за ним кафедры истории и морали в Коллеж де Франс.

В течение шести лет Мори практически постоянно находился при императоре. В 1865 году выходит в свет первый том «Жизни Цезаря». Но в 1866 году, после выхода в свет второго тома, Наполеон III выдыхается. Он заметно остывает к своему любимому проекту; по убедительному предположению М. Пастуро (Op. cit. P. 36), свою роль тут сыграл и весьма неоднозначный прием, оказанный французской и международной публикой его труду. Между тем работа была далеко не доведена до конца: второй том заканчивался переходом Цезаря через Рубикон. В августе 1867 года Наполеон III говорит Мори о намерении «снова засесть за Цезаря», но дальше слов дело не идет. В апреле 1868 года Мори назначается директором Императорских (впоследствии — Национальных) архивов, а в начале 1869 года — почетным библиотекарем дворца Тюильри: благодаря этому последнему назначению за Мори сохраняется формальное право беспрепятственного прохода в императорскую резиденцию.

Леон Ренье. Имя Леона Ренье (1809–1885) сегодня носят улица в его родном городе Шарлевиле и городок в Алжире, где Ренье проводил разыскания. За исключением жителей этих двух населенных пунктов, имя Ренье знают сегодня главным образом специалисты по римской эпиграфике. Хотя к концу жизни Ренье занимал весьма почетное место в парижском академическом мире, он не стал в XX веке героем научных статей и уж тем более монографий. Как писал в биографическом очерке о Ренье его ученик Эрнест Дежарден, «научное наследие г-на Ренье невелико по объему и отличается полным единством тематики. Жизнь же его была до чрезвычайности проста» (Desjardins 1887. P. I).

Как уже было сказано, Ренье родился в Шарлевиле, в Арденнах, в бедной лотарингской семье. Его отец работал контролером мер и весов. Большую часть детства Ренье провел у своей старой тетки в арденнской деревушке Вире, где местный священник обучал его начаткам латыни. В книжном шкафу у тетки стояли тома «Древней истории» и «Римской истории» Роллена; читая их, Ренье приобрел вкус к античности. С 1823 по 1826 год Ренье учился в местной семинарии, а с 1826 по 1829 год — в Королевском коллеже в Реймсе. В коллеже у него проявились ярко выраженные математические способности, и он решил стать учителем математики. В 1830 году его даже собирались принять в Высшую нормальную школу на отделение наук, но административные разногласия, возникшие в результате революции 1830 года, привели к тому, что он был вычеркнут из списков. Он оказался в полном одиночестве, без средств к существованию; в 1830–1831 годы он работает то библиотекарем, то типографским корректором, то клерком у нотариуса. Затем он становится директором частного коллежа в Пикардии; там он женится. Существование в коллеже было нищим и совершенно беспросветным; Ренье с женой приняли решение искать счастья в Париже. Здесь Ренье стал давать уроки греческого и латыни. Он брался за любую поденщину, связанную с книгоизданием. Лишь в конце 1830-х годов ему удается найти себе ученого покровителя: он знакомится с крупным специалистом по античной эпиграфике, членом Академии надписей и изящной словесности Филиппом Леба (1794–1860). Леба делает его своим секретарем и привлекает к работе над 44-хтомным «Французским энциклопедическим словарем»; когда Леба в 1843 году уезжает на раскопки в Грецию и Малую Азию, завершение этого издания целиком ложится на плечи Ренье. В 1845 году Ренье благополучно завершает издание словаря, после чего издательский дом Дидо сразу же поручает лично ему издание 30-томной «Современной энциклопедии». На протяжении последующих шести лет он занимается этой энциклопедией и пишет для нее множество статей. (Напомним, что в работе над «Современной энциклопедией» активно участвовал и Альфред Мори.) Одновременно с работой над двумя этими энциклопедиями Ренье постоянно занимается эпиграфикой (в 1845 году он становится членом Общества французских антикваров), пишет статьи для основанного в 1844 году «Revue archéologique», публикует французский перевод раздела о Галлии в «Географии» Птолемея, издание избранных идиллий Феокрита, а также важные комментарии к изданию Тита Ливия. Кроме того, когда Леба в 1844 году был назначен заведующим Библиотекой Сорбонны, он сделал Ренье своим помощником и заместителем.

После 1848 года покровительство Леба приобрело для Ренье дополнительную ценность, поскольку — и здесь перед нами еще одно стечение об-

стоятельств — Леба был в 1820—1827 гг. домашним учителем Луи-Наполеона. Даже после 1851 года между Леба и новоиспеченным императором сохраняются добрые отношения, хотя Леба и откажется поддерживать декабрьский переворот; после 1851 года он будет отказываться принимать от Луи-Наполеона какие бы то ни было знаки расположения. Но до 1851 года отношения между Леба и принцем-президентом не были омрачены ничем. Очевидно, именно благодаря протекции Филиппа Леба Леон Ренье (человек без специального образования и ученых степеней, единственное официальное звание которого на тот момент было «младший библиотекарь») получает в 1850 году от французского правительства направление в командировку в Алжир для составления описи сохранившихся в Алжире памятников римской эпохи. За первой алжирской командировкой (1850—1851) последовала вторая (1852—1853). Результаты этих двух командировок были исключительно богаты и содержательны. Самым главным урожаем, который удалось собрать Леону Ренье, была огромная коллекция эпиграфических документов: 3085 надписей, из которых более 2700 никогда ранее не были опубликованы.

В 1852 году вышел в свет сборник статей Ренье «*Mélanges épigraphiques*», в 1854 году — следующий сборник статей, «*Mélanges d'épigraphie*». Наконец, в 1855—1858 гг., четырнадцатью выпусками, выходит в свет *opus magnum* Леона Ренье — сборник «*Inscriptions romaines de l'Algérie*». Это был «первый, доселе не виданный научный свод латинских надписей» (Op. cit. P. IX). И, хотя вспомогательные приложения к этому своду так и не были изданы, основного корпуса хватило, чтобы обеспечить Ренье международную славу и место «основоположника латинской эпиграфики во Франции» (Ferrary 2000. P. 25). Три вышеупомянутых издания составляют основную часть собственно научного наследия Ренье. Следующим его большим проектом, который он вынашивал с 1840-х гг., была публикация свода латинских надписей Галлии. В 1866 году Ренье получит разрешение принять предложение Берлинской академии и издать свод латинских надписей Галлии в составе знаменитого «*Corpus Inscriptionum Latinarum*», но осуществлению этого плана помешает война 1870—1871 годов. После войны Ренье прервет всякие контакты с Германией; в 1873 году он попытается инициировать издание такого свода во Франции, но эта попытка закончится ничем, и с тех пор Ренье уже не станет возвращаться к своему проекту.

В 1856 году освободилось место Огюстена Тьерри в Академии надписей и изящных искусств. Ренье представил свою кандидатуру на освободившееся кресло, однако академики предпочли ему Ренана. Но было еще одно пустующее кресло, выборы на которое должны были состояться через неделю. Сразу после своего избрания Ренан пришел домой к Ренье и сказал ему, что сделает все возможное, чтобы на сей раз был избран Ренье. Ренье действительно был избран, и с этого случая началась дружба между Ренаном и Ренье.

Попав в Академию надписей, и Ренан, и Ренье вошли в ближайший круг общения г-жи Корню. Она постаралась ощутимо поучаствовать в научной карьере и того, и другого. Ренану она выхлопотала командировку на Ближний Восток, а Леона Ренье она представила императору как подходящего сотрудника для работы над биографией Цезаря.

Итак, в октябре 1860 года Ренан отплыл на Ближний Восток, а Ренье в мае 1860 года, благодаря г-же Корню и Наполеону III, впервые в жизни отправился в Италию. Отметим здесь, что Ренан и Ренье были лишь двумя

фигурами из более многочисленного круга специалистов по древностям, командированных в экспедиции в конце 1850-х — начале 1860-х годов по инициативе г-жи Корню. В 1861 году император вторично направляет Леона Ренье в Италию — на этот раз для выполнения двух деликатных дипломатических поручений: для приобретения музейной коллекции Джанпьерро Кампаны и для покупки Садов Фарнезе (подробнее см. об этом в полном варианте настоящей статьи, публикуемом в электронной версии журнала).

В июле 1861 года Ренье вернулся во Францию. За истекший год его служебное положение сильно изменилось. В мае 1860 года умер его покровитель Леба, и Ренье тогда же назначили преемником Леба на посту заведующего Сорбоннской библиотекой: это позволило ему с женой получить маленькую квартиру в административном здании Сорбонны. Теперь ему была предложена должность генерального инспектора образования — вторая по значимости должность в университетской системе после должности министра образования. Но, если на должность министра образования во Франции изредка и приходили люди, не принадлежавшие к университетской корпорации (например, литераторы-академики, как Сальванди), то должность генерального инспектора всегда была внутрикорпоративной. Это была труднодостижимая вершина карьерного роста для преподавателей. Наполеон III предложил эту должность человеку, вообще не имевшему диплома о высшем образовании. Ренье, однако, отказался от этой чести: он не хотел сильно отрываться от исследовательской работы. В результате он получил из рук императора высшую должность, о которой может мечтать во Франции серьезный исследователь: императорским указом для Ренье была учреждена новая кафедра в Коллеж де Франс — кафедра римской эпиграфики и римских древностей (заметим в скобках, что кафедра греческой эпиграфики и греческих древностей будет учреждена лишь в 1877 году). С осени 1861 года Ренье начал читать лекции в Коллеж де Франс. Одновременно он продолжал работать с императором над «Жизнью Юлия Цезаря».

Дюрюи. О биографии Виктора Дюрюи говорилось в предшествующей статье (Козлов 2009. С. 500—501). Для удобства читателей я повторю приведенные там биографические характеристики.

По профессии Дюрюи был преподавателем истории, по общественным убеждениям — прогрессистом, антиклерикалом, меритократом; по политическим симпатиям — либеральным бонапартистом, поклонником Юлия Цезаря и Наполеона. Он родился в 1811 году в семье потомственных ткачей-гобеленщиков. Виктора Дюрюи готовили к той же семейной профессии, но, заметив любовь мальчика к чтению, отец отдал его в местный коллеж, где учились дети из семейств старой и новой аристократии. Последующий путь Дюрюи — типичная траектория школьного восхождения выходца из низов, как ее описал Бурдьё: в отличие от «наследников», характерными признаками которых являются блеск и непринужденность, стандартными признаками выходцев из низов являются серьезность (добросовестность) и трудолюбие (Bourdieu 1989. P. 17—81). И в коллеже, и затем в Высшей нормальной школе Дюрюи сначала был одним из последних, а в конце, благодаря трудолюбию, становился одним из первых. Это навсегда сделало его приверженцем меритократии и публичной конкуренции.

После того как Дюрюи в 1833 году завоевал первое место среди соискателей агрегации по специальности «история», он смог почти сразу получить работу младшего преподавателя не в провинциальном лицее, а в парижском лицее Генриха IV — одном из самых престижных парижских лицеев: среди его учеников был сын короля Луи-Филиппа. Это было редкое везение. Далее, однако, карьера Дюрюи надолго застопорилась; ему пришлось в полной мере познать и эксплуататорскую хватку именитых профессоров-патронов, и неприязнь университетского истеблишмента к независимым выходцам из престолярства. Такова была система, такой она осталась и в XX веке: как пишет Бурдьё, в мире французских образовательных институций люди из низших классов обречены до бесконечности доказывать делом свою профессиональную состоятельность: «они должны платить временем и действительными достижениями за медленное восхождение, которому заранее положен предел» (Op. cit. P. 210—211). Своего карьерного потолка Дюрюи достиг в 1855 году: он стал титулярным профессором истории все в том же престижном парижском лицее; при этом он был автором пользовавшихся широкой известностью многочисленных учебных пособий по истории и географии Древнего мира и средневековой Франции: позиция уважаемая, но не выдающаяся в качестве финиша карьеры. Между тем именно в этом статусе он, скорее всего, и закончил бы свой профессиональный путь, если бы не стечение обстоятельств.

В 1859 году военный министр маршал Рандон, в прошлом завоеватель Алжира, стал искать человека, который бы мог написать анонимную брошюру о его алжирском губернаторстве 1852—1858 годов. Офицером по особым поручениям при Рандоне состоял бывший ученик Дюрюи: он предложил маршалу для выполнения этой работы кандидатуру своего бывшего учителя. Как раз в это время Наполеон III читал книгу Дюрюи «История римлян» и заинтересовался ее автором. Рандон организовал встречу императора с Дюрюи. Эта встреча вылилась в длительную и обстоятельную беседу о Юлии Цезаре, в ходе которой Дюрюи вдавался в пространные дидактические экскурсы и не скрывал от императора своих либеральных убеждений. В заключение беседы император, согласно свидетельству хорошо информированного Жюля Симона, спросил у Дюрюи, какой пост может быть для него верхом карьерных притязаний. Дюрюи отвечал, что для него, как и для всех профессоров, верхом карьеры является пост генерального инспектора образования. «Вы будете генеральным инспектором», — сказал император (Simon 1896. P. 75).

Дюрюи стал регулярно консультировать императора по вопросам истории Рима; одновременно с этим, вслед за успешным выполнением первого заказа маршала Рандона, он получает новые литературно-пропагандистские и экспертные поручения от правительства. В начале 1861 года Наполеон III просит министра образования Рулана назначить Дюрюи генеральным инспектором. Этот пост был уже обещан историку Адольфу Шерьюэлю, и Дюрюи получает в качестве «утешительного приза» сразу две должности, освободившиеся с уходом Шерьюэля на повышение: должность инспектора парижского учебного округа и должность руководителя семинара в Высшей нормальной школе. В феврале 1862 года в Генеральной инспекции среднего образования создаются два новых места, и Дюрюи получает одно из них — место генерального инспектора словесности. Тогда же, в феврале, император адресует ему список вопросов, касающихся Цезаря; Дюрюи отвечает на эти вопросы пространной запиской. В ноябре

1862 года Дюрюи получает приглашение побывать при дворе императора в Компьене; в декабре его вызывает к себе секретарь императора Мокар и поручает ему целый ряд секретарских работ в кабинете императора; в ходе выполнения этих работ Дюрюи имеет продолжительные беседы с императором. Поскольку Мокар собирается уходить в отставку, Дюрюи делает вывод, что его готовят к занятию должности императорского секретаря. Вместо этого в июне 1863 года император назначает его министром образования.

Назначение Дюрюи вызвало настоящий шок и при дворе, и в университетских кругах. Министром образования был назначен не известный политик или литератор, не профессор Сорбонны или Коллеж де Франс, не член Института, а вчерашний преподаватель лицея. «Деклассированный школьный надзиратель» («Un pion déclassé») — так называл Виктора Дюрюи один из его главных недругов, именитый профессор словесности Дезире Низар (цит. по: Rohg 1967. P. 40). Сам Низар был членом Французской академии, директором Высшей нормальной школы, генеральным инспектором образования, и притом он всегда выражал свою поддержку императору — он с полным правом мог ожидать, что пост министра образования достанется ему.

Если первоначально Дюрюи и не входил в круг общения г-жи Корню, то после его назначения министром г-жа Корню активнейшим образом поддерживает его инициативы. О поддержке, которую г-жа Корню оказывала начинаниям Дюрюи, говорят и Ренан (Renan 1958. P. 1120), и Мори (Maury. T. V. P. 325). Когда в 1868 году Дюрюи будет подбирать штаты для задуманного им Четвертого отделения Высшей практической школы, он сделает Леона Ренье директором Четвертого отделения, а Альфреда Мори назначит научным руководителем по истории на Четвертом отделении. Почему были назначены именно они? Потому, что их личная связь с верховным прикрывающим позволяла сделать реформаторскую коалицию еще более неуязвимой? Да, но не только поэтому. Обстоятельства их назначения проясняются из все тех же воспоминаний Мори. Как пишет Мори, для организации Практической школы Дюрюи создал специальную комиссию при министерстве, в которую вошли наиболее авторитетные профессора, связанные с разными отраслями знания. Однако, — вспоминает далее Мори, —

профессора словесности проявили по отношению к г-ну Дюрюи меньше доброй воли, чем профессора наук [...], поэтому г-н Дюрюи оказался вынужден для этой сферы изысканий взять себе в помощники людей, не принадлежавших к Университету, — таких, как Леон Ренье, Мишель Бреаль и я. К своему великому удивлению, он встретил мало рвения даже со стороны г-на Жюльа Кишера, профессора Школы хартий, на содействие которого он рассчитывал. Профессора Факультета словесности с тревогой усматривали в Практической школе высших исследований учреждение, создаваемое некоторым образом для того, чтобы конкурировать с университетскими учеными степенями. Отсюда их нежелание содействовать созданию Школы (Maury. T. V. P. 326).

Жюль Кишера был едва ли не самым авторитетным тогдашним историком-медиевистом. Дюрюи предлагал ему занять в Практической школе должность научного руководителя по истории. В архиве Министерства образования сохранилось письмо Кишера к Дюрюи от 8 мая 1868 года, в ко-

тором Кишера отказывается принять эту должность, ссылаясь на преклонный возраст и чрезмерную занятость (Archives Nationales. AP 114, cart. 1, dossier 7). И лишь после отказа Кишера Виктор Дюрюи оказался вынужден попросить о помощи Альфреда Мори.

Эта враждебность членов университетского истеблишмента по отношению к новосоздаваемой институции возвращает нас к тем особенностям французской коллективной жизни, о которых писал Мишель Крозье.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Из вышеизложенного достаточно ясно видны две вещи.

Во-первых, становится очевидно, что весь процесс институциональной активизации научной жизни во Франции в сфере историко-филологических наук в 1860-х годах (создание новых кафедр и назначение новых профессоров в Коллеж де Франс, расширение числа археологических экспедиций, назначение министра-реформатора, создание принципиально нового учебного заведения — Практической школы высших исследований) представлял собой, если угодно, цепную реакцию, исходным толчком для которой послужило желание Наполеона III написать биографию Юлия Цезаря. Без этого исходного желания «там ничего бы не стояло». Леон Ренье был, по сути, прав, когда писал Моммзену о «мощном первотолчке, пробудившем к жизни все эти усилия».

Во-вторых же, обнажилось основополагающее сходство карьерных траекторий трех основателей IV отделения Практической школы — равно как и их теневой покровительницы, г-жи Корню. Все они были выскочками, парвеню, не прошедшими все ступени иерархической лестницы в системе образования. Своим финальным возвышением они были обязаны императору, и только ему (если, конечно, не считать г-жи Корню). Они в значительной мере были свободны от обязательств перед университетским истеблишментом. При этом они не были склонны категорически навязывать своим подчиненным ту жесткую стратификацию, от которой им самим в конечном счете удалось ускользнуть. Это и стало важнейшим залогом создания научной институции принципиально нового типа. Но возникновение самого этого сообщества выскочек стало возможным, как представляется, благодаря двум субъективным условиям: одно из этих условий было *необходимым* — необходимым именно для данной констелляции личностей; другое же, по нашему мнению, являлось *достаточным* — как для данной констелляции, так и для любых других случаев продуктивного вертикального сговора.

Необходимое условие состояло в том, что солидарность с выскочками была глубоко свойственна сознанию тогдашнего верховного правителя Франции. На эту фундаментальную психологическую особенность Наполеона III указала все та же г-жа Корню в одной из своих бесед с Сениором:

Его длительная исключенность из высшего общества своих соотечественников, а также, в большой мере, и из высшего общества чужестранцев, среди которых ему приходилось жить, навредила ему во многих отношениях. <...> Она превратила его в своего рода *ragvencu* или, как у нас говорят, *tuft-hunter*. Он смотрел на людей высшего ранга снизу вверх, со смесью восхищения, зависти и неприязни. Чем труднее ему было проникнуть в их общество, тем более сильную неприязнь к ним он испытывал и тем сильнее обхаживал их (Senior 1880. Vol. 1. P. 209—210).

Однако дело было не просто в личной психологии Наполеона III: позитивная валоризация понятия *parvenu* была неотъемлема от всей традиции французского бонапартизма. В 1813 году в Дрездене Наполеон I сказал Меттерниху: «Ваши государи родились венценосными; они могут быть биты двадцать раз и все равно возвращаться в свои столицы. Я так не могу: я — солдат-высочка (*je suis un soldat parvenu*)» (Metternich 1880. P. 148). Сорок лет спустя, в 1853 году, по-своему повторяя этот жест своего деда, Наполеон III сказал в торжественной речи о своем бракосочетании: «Чтобы тебя стали уважать, следует всегда помнить о своем происхождении, сохранять свой собственный характер и открыто занять перед лицом старой Европы позицию высочки — это славный титул, когда он получен благодаря свободному волеизъявлению великого народа» (Napoléon 1860. P. 102). Наполеон III явно получал психологическое удовлетворение, выдвигая маргиналов на ведущие карьерные позиции в обход истеблишмента.

Но это условие не было достаточным. Нет гарантии, что всякий высочка автоматически станет строить открытую, гибкую и эффективную институцию. Так же как нет гарантии, что всякий высочка построит усилитель «Бриг». Достаточным условием для того, чтобы вертикальный стовор привел к ценному результату, всякий раз оказываются сильные идеальные мотивации — такие, какими, например, для всех участников стовора по созданию «Брига» была любовь к музыке и к хай-фай. Аналогичного свойства мотивации заставляли Наполеона III писать биографию Цезаря и тратить деньги на археологические раскопки, Виктора Дюрюи — создавать Практическую школу высших исследований, а госпожу Корню — строить все новые и новые комбинации и интриги в сфере ученой жизни. У всех участников этого сообщества тоже была своя любовь к хай-фай.

Так осуществляются институциональные инновации в заблокированном обществе.

ЛИТЕРАТУРА

- Козлов 2009 — *Козлов С.Л.* Из истории интеллектуального предпринимательства во Франции: Как была создана Практическая школа высших исследований // Пермяковский сборник. М.: Новое издательство. С. 486–527 (в печати).
- Лихницкий 1996 — *Лихницкий А.М.* У истоков отечественного hi-fi. История 1: Рождение «Брига» // Аудио Магазин. 1996. № 4 (9). С. 71–77.
- Ben-David 1984 — *Ben-David J.* The Scientist's Role in Society: A Comparative Study with a new Introduction. Chicago; London: University of Chicago Press.
- Boer 1988 — *Boer P. den.* History as a Profession: The Study of History in France, 1818–1914 / Transl. by A. J. Pomerans. Princeton, New Jersey: Princeton University Press.
- Bourdieu 1989 — *Bourdieu P.* La noblesse d'État: Grandes écoles et esprit de corps. P.: Minuit.
- Bowman 1978 — *Bowman F.P.* Du romantisme au positivisme: Alfred Maury // Romanisme. Vol. 8. № 21. P. 35–43.
- Carroy, Richard 2007 — *Carroy J., Richard N.* (Eds.). Alfred Maury, érudit et rêveur: Les sciences de l'homme au milieu du XIXe siècle. Rennes: Presses universitaires de Rennes.
- Cornu — Renan 1998 — *Cornu H., Renan E.* Correspondance [1861–1875] [éd. établie, présentée et annotée par M. Gasnier] // Cahiers du Centre des correspondances et journaux intimes des XIXe–XXe siècles. 1998. № 1 [Correspondance et confronta-

- tion idéologique]. Brest: Centre des correspondances et journaux intimes des XIXe–XXe siècles CNRS (UMR 6563) – Faculté des lettres Victor Segalen. P. 97–147.
- Crozier 1994 – *Crozier M.* La société bloquée / 3me éd. augmentée. P.: Seuil («Points»).
- Desjardins 1887 – *Desjardins E.* Léon Renier // Bibliothèque de l'École des hautes études. Sciences philologiques et historiques. Fasc. 73: Mélanges Renier. P.: Vieweg. P. I–XXI.
- Du Camp 1949 – *Du Camp M.* Souvenirs d'un demi-siècle: [In 2 vol.]. [T. 1]: Au temps de Louis-Philippe et de Napoléon III, 1830–1870. P.: Hachette.
- Duruy 1901 – *Duruy V.* Notes et souvenirs (1811–1894): [In 2 vol.]. P.: Hachette et Cie.
- Emerit 1937 – *Emerit M.* Madame Cornu et Napoléon III: D'après les lettres de l'Empereur conservées à la Bibliothèque nationale et d'autres documents inédits. Thèse complémentaire pour le doctorat ès lettres présentée à la Faculté des lettres de Paris: [In 2 vol.]. P.: Presses modernes.
- Ferrary 2000 – *Ferrary J.-L.* Épigraphie et antiquités romaines à l'École pratique des hautes études // Conférence d'ouverture de Mme S. Demougin, Directeur d'études d'épigraphie romaine et histoire sociale du monde romain, 15 mars 1999. P.: La Sorbonne. P. 19–48. (École pratique des hautes études. Section des sciences historiques et philologiques).
- Furet 1980 – *Furet F.* Préface // Shinn T. L'École polytechnique, 1794–1914. P.: Fondation nationale des sciences politiques. P. 5–8.
- Geiger 1980 – *Geiger R.L.* Prelude to Reform: The Faculties of Letters in the 1860s // Historical Reflections/Réflexions historiques. Vol. 7. № 2/3. P. 337–361.
- Goncourt 2004 – *Goncourt E. de, Goncourt J. de.* Journal: Mémoires de la vie littéraire / Texte intégral établi et annoté par R. Ricatte, préface et chronologie de R. Kopp. T. 1–3. P.: Laffont («Bouquins»).
- Hellmann 1982 – *Hellmann M.-C.* Wilhelm Froehner. P.: Bibliothèque nationale.
- Hemmerdinger 1987 – *Hemmerdinger B.* L'histoire de Jules César par Napoléon III et Stoffel // Quaderni di storia. Vol. 13. № 25. P. 5–12.
- Kopp 2004 – *Kopp R.* Préface: Les frères Goncourt ou les paradoxes de la vérité // Goncourt. 2004. T. 1. P. I–XLVI.
- Kranzberg 1954 – *Kranzberg M.* An Emperor Writes History: Napoléon III's «Histoire de Jules César» // Teachers of History: Essays in Honor of L. Bradford Packard. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press. P. 79–104.
- Lavisse 1895 – *Lavisse E.* Un ministre: Victor Duruy. P.: Colin et Cie.
- Maison 2001 – *Maison F.* L'histoire de Jules César par Napoléon III // Bulletin de la Société historique de Compiègne. Vol. 37: Napoléon III et l'archéologie: Une politique archéologique nationale sous le Second Empire. P. 21–38.
- Maury – *Maury A.* Souvenirs d'un homme de lettres. Vol. 1–7 [manuscrit] (Bibliothèque de l'Institut de France. Ms. 2647–2653).
- Mazon 1988 – *Mazon B.* Aux origines de l'École des hautes études en sciences sociales: Le rôle du mécénat américain / Préface de P. Bourdieu, postface de C. Morazé. P.: Cerf.
- Metternich 1880 – *Metternich K.W. von.* Autobiographie // Metternich K. W. von. Mémoires, documents et écrits divers. T. 1. P.: Plon. P. 5–275.
- Monod 1897 – *Monod G.* Victor Duruy // Monod G. Portraits et souvenirs. P.: Calmann Lévy. P. 117–134.
- Napoléon 1860 – *Napoléon III.* Discours, messages et proclamations. 1849–1860. Mirecourt: Humbert, 1860.
- Nicolet 2006 – *Nicolet C.* La fabrique d'une nation: La France entre Rome et les Germains. P.: Perrin («Tempus»).

- Nicolet 2009 — *Nicolet C.* Caesar and the Two Napoleons // Griffin M. (Ed.). A Companion to Julius Caesar. Chichester, U. K.; Malden, MA: Wiley-Blackwell. P. 410–417.
- Ollivier 1900 — *Ollivier E.* L'Empire libéral: Études, récits, souvenirs: [In 18 vol.]. [T. 5]: L'inauguration de l'Empire libéral. Le roi Guillaume. P.: Garnier frères.
- Pastoureau 2007 — *Pastoureau M.* «Mon caractère me servit plus que mes faibles mérites»: Alfred Maury, bibliothécaire, professeur et membre de l'Institut // Carroy, Richard 2007. P. 21–40.
- Pommier 1965 — *Pommier J.* Autour de la mission de Phénicie d'Ernest Renan // Comptes-rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. Vol. 109. № 1. P. 126–141.
- Reinach 1904 — *Reinach S.* Esquisse d'une histoire de la collection Campana (Premier et deuxième articles) // Revue archéologique. Série 4. T. 4 (juillet–décembre). P. 179–200, 364–384.
- Reinach 1905 — *Reinach S.* Esquisse d'une histoire de la collection Campana (Troisième et quatrième article) // Revue archéologique. Série 4. T. 5 (janvier–juin). P. 57–92, 208–240.
- Reinach 1925 — *Reinach S.* Guillaume Froehner (1835–1925) // Revue archéologique. Série 5. T. 22 (juillet–septembre). P. 140–154.
- Renan 1958 — *Renan E.* Madame Hortense Cornu [1875] // Renan E. Oeuvres complètes: [In 10 vol.]. T. 2. P.: Calmann-Lévy. P. 1113–1122.
- Rohr 1967 — *Rohr J.* Victor Duruy, ministre de Napoléon III: Essai sur la politique de l'instruction publique au temps de l' Empire libéral. P.: Pichon et Durand-Auzias.
- Senior 1878 — *Senior N.W.* Conversations with M. Thiers, M. Guizot and other distinguished persons, during the Second Empire: In 2 vol. London: Hurst and Blackett.
- Senior 1880 — *Senior N.W.* Conversations with distinguished persons, during the Second Empire: In 2 vol. London: Hurst and Blackett.
- Simon 1896 — *Simon J.* Notice historique sur la vie et les travaux de M. Victor Duruy // Séances et travaux de l'Académie des sciences morales et politiques. T. 45. P. 66–93.
- Tomei 1999 — *Tomei M.A.* Scavi francesi sul Palatino: Le indagini di Pietro Rosa per Napoleone III (1861–1870). Roma: École française de Rome; La Soprintendenza Archeologica di Roma. («Roma antica»).
- Ungern-Sternberg 2004 — *Ungern-Sternberg J. von.* Theodor Mommsen und Frankreich // Francia. Vol. 31. № 3. P. 1–28.
- Wickert 1964 — *Wickert L.* Theodor Mommsen: Eine Biographie. Bd. 2. Frankfurt am Main: Klostermann.